

## Психотипы действующих лиц в поэме “Сокровищница тайн”

Алемзар Тагиева

Доктор философии по филологии. Гянджинское отделение НАНА, Азербайджан.

E-mail: [alamzar@inbox.ru](mailto:alamzar@inbox.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-3208-8145>

**Резюме.** Автором статьи на основе человеческих психотипов города Гянджи, в котором жил и творил поэт, исследованы образцы психотипов 20 сохбетов поэмы “Сокровищница тайн”. Важным для автора является выявление многих психологических значений происшедших действий и поступков людей, соответствующих отображенным в поэме персонажам. Основной целью Низами в выборе таких форм повествования, как беседа, рассказ, жалоба, порицание, назидание, является привлечение читателя к глубокому их осмыслению. В результате анализа красочности выражения лексики художественного текста автор статьи приходит к заключению, что, не будучи психологом, Низами удалось воплотить человеческие психотипы своих сограждан, в окружении которых он жил. Как результат проделанного анализа в статье приводятся таблицы с конкретными образцами для более ясного и всестороннего усвоения читателем стиля поэмы.

**Ключевые слова:** второстепенные персонажи, поступки, действия

<http://dx.doi.org/10.29228/edu.176>

Цитировать статью: Тагиева А. (2020) *Психотипы действующих лиц в поэме “Сокровищница тайн”*. “Азербайджанское литературоведение”, № 1, стр. 24-31  
Статья поступила в редакцию: 02.04.2020

## Human psychotypes in the poem “The treasure of secrets”

Alemzar Taghiyeva

Doctor of Philosophy in Philology, Ganja branch of ANAS, Azerbaijan.

E-mail: [alamzar@inbox.ru](mailto:alamzar@inbox.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-3208-8145>

**Abstract.** In the article on the basis of 20 conversations is studied the human psychotypes of the city where the poet lived and created. In this article, the author analyzes the connection of many psychological concepts with events and behavior of characters reflected in the work. Choosing of artistic forms, such as conversation, story, complaint, reproach and advice told by Nizami prompts the reader to active thinking. As a result of the analysis of the lexical and expressive means of the literary text, the author comes to the conclusion that Nizami was not a psychologist, but tried to determine the human psychotype of the compatriots living around him. As a result of this work, in the article is presented the tables that attract the attention of the reader to the required addresses.

**Keywords:** secondary personage, behavior, movement

<http://dx.doi.org/10.29228/edu.176>

To cite this article: Taghiyeva A. (2020) *Human psychotypes in the poem “The treasure of secrets”*. “Azerbaijan Literature Studies”, Issue 1, pp. 24-31

Article history: received – 02.04.2020; accepted – 15.04.2020

## Введение / Introduction

Низами неоднократно повторял мысль, согласно которой он безвыездно жил в родной Гяндже. Обобщив эти строки, можно прочитать такое признание: Гянджа мой вечный Вавилон. По рукам и ногам связан здесь я на все времена. Вперед дороги нет - назад она закрыта

Можно считать, что этот город, разворачивающиеся здесь события, само население явились основой для целой галереи второстепенных персонажей его поэм. Если в поисках занимательных тем он обращался к легендам и историческим былям, то реальным фоном для развития основной канвы поэтического повествования была городская жизнь средневековой Гянджи, место творческого полета Низами.

Выразившись кинематографическим языком скажем, что массовка в поэмах складывалась из местного люда, портреты и действия которых выписаны настолько метко, что возведены до уровня определенных человеческих психотипов. Подобные зарисовки ведут к общности образов, их узнаваемости среди населения и сегодня.

Говоря о психотипе человека, “складывающегося из совокупности свойств нервной системы, определяющей физиологическую основу индивидуального своеобразия деятельности и поведения человека” [5, с 17], мы проиллюстрируем это примерами из поэмы. Здесь есть художественные образы различных по темпераменту персонажей: холерики, флегматики, сангвиники и меланхолики.

## Главная часть / Main part

Наш выбор пал именно на “Сокровищницу тайн” по ряду причин: во-первых, композиционное своеобразие, позволяющее выделить характерные психотипы людей среди жителей Гянджи; во-вторых, наличие активизирующих форм общения как с персонажами, так и читателем, будь современник сегодняшней или завтрашний почитатель его таланта. Демократичная форма сохбета-собеседования вкупе с хекаятами-новеллами, шикаятами-жалобами, мазамматами-укорами, насатами-назиданиями и дастанами автоматически подключает читающую сторону к общению, превращая его в собеседника. В этом случае Низами-программист мастерски закручивает сюжет интеллектуальной игры, где слово – это код, а слагающиеся из него поэтические выражения – ключ к расшифровке заложенной идеи. Подспудный обмен мнением, невольным участником коего становимся, ведет к необходимости выведения общего знаменателя в поэтическом уравнении с многочисленными слагаемыми. Это положительные и отрицательные черты характера, обоснование действий сторон конфликта с обязательным соотношением с художественным текстом.

Все 20 двухкомпонентных сохбетов, в которых автор является ведущим, позволяют ему во второй части собеседования прояснить важные моменты, разворачивающиеся в начале. В сохбете обычно преобладают рассуждения автора, далее активизируется познавательно-художественное мышление противоположной стороны. Жанр новеллы, являющийся отражением “нового невиданного происшествия” [4, с41], и остальные перечисленные формы изложения где-то подтверждают ведущую тему, где-то расширяют, а где-то являются иллюстративным материалом. Данные неразрывные части объединены

принципом движения повествования от общего к частному, что высвечивает суть произведения, обеспечивая живучесть художественного образца, придает ему новизну и свежее дыхание вопреки многовековому возрасту.

Отметим не только тематическое разнообразие сохбетов, но и жанровую неоднородность сопутствующих им форм в большинстве своем характерных для родной литературы. Здесь встречаем дастан (1), шихаят (1), насыат (1), мазмамат (2) плюс 10 хекаятов<sup>1</sup>. Интересен также состав действующих персонажей, большинство из которых люди, но есть и ситуации общения человека с животными сохбеты (2, 6, 7, 8), непосредственно зверей друг с другом (2). В последнем примере усматриваем пример использования эзопова языка, жанра басни, но здесь видны лишь элементы его. Сопутствующие сохбету жалоба, насыат, укор по своему названию претендуют на присутствие социальные ноток, усиливающих общественный резонанс собеседований. Еще надо вспомнить специфичность отношений между монархическим укладом и народом, который не имел право избирать хокмудара. Однако именно “его величество” чернь, выходя на мейданы, возвышал голос недовольства и решал судьбу властьдержавших, которые, усевшись на плечи челяди, забывали об их нуждах. Тогда-то и скидывали их трудяги с натруженных плеч. Примеры тому есть в сохбетax 1, 2, 3, 4, 7, 18, 19. Эффектнее всего звучат диалоги представителей власти с птицами и животными. Такими дуалистическими беседами умный и наблюдательный автор освещает проблемные темы: человеческий мир совершенен или животный? Далеко ли ушло сообщество людей от братьев своих меньших? Прием зачитывания морали устами зверей отражает широту миросознания поэта, признающего равенство всего созданного Аллахом. Причем степень понимания того в противопоставляемых мирах определяется сформированностью высшей нервной системы у человека в отличие от рефлекторного поведения зверей. Поэтому закономерен риторический вопрос: Разве человеку пристойно опускаться до низменных, инстинктивных интересов? Психологическое чутье автора контурно уравнивает сохбеты с психодрамой, когда в групповой психотерапии автор – персонажа – читатель ролевые игры по моделированию жизненных ситуаций способствуют устранению неадекватных эмоциональных реакций, усилению самопознания. Как раз форма собеседования отвечает этим целям. К тому же используемые им жанры повествования не только рассказывают, но и стимулируют к разсуждениям о человеке, его интересах, природе поведения, его положительных и не очень чертах характера.

Перейдем непосредственно к тексту и просмотрим его лексико-художественное наполнение. “Расставание с миром” – это монолог автора о духовно-этических общечеловеческих ценностях. В этом макротексте составляющими звеньями являются микро-тексты, например, о смысле жизни и перипетиях жизненного пути, стремлении к совершенствованию личности. Лингвистический расклад данного связанного высказывания дает возможность вывести приблизительный моральный кодекс гянджинца того времени. Добавим, что городские бытовые условия формировали характер населения, который являлся также отражением устойчивых индивидуальных особенностей образующей социум личности. Естественно, он не является по-канцелярски сухим перечнем, а расщеплен художественными средствами поэтического языка. Рискнем предложить вашему вниманию следующий моральный кодекс [1, с.115-119]:

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРОКА	КАЧЕСТВА ХАРАКТЕРА
Ороси ты землю потом своим, Получишь взамен все что ни пожелаешь	Трудолюбие
Кольхаться будешь верблюду подобно, В терновнике сплутаться можешь, Затопчут тебя слоны	Целеустремленность

<sup>1</sup> В скобках указано количество

Бессмертна душа чуткого и отзывчивого	Внимательность
Да будет душа прозрачна, как вода, Чисты мечты и помыслы	Доброжелательность
Жизнь, словно клеть, зажимает в тисках, Разорви эту клеть во славу любви	Преданность
Не считай себя рабом судьбы-злодейки	Стойкость
Куда б ни следовал, о возвращении не забывай пути	Предусмотрительность
Сумей возродиться из руин	Оптимизм
Верность убеждениям – твое достоиние, Вечна тогда жизнь на земле	Принципиальность
Смелый заглушит в себе жажду злата, И затушит речами сладкими пламя врага	Дальнозоркость

Вот то психологическое лекало, по которому скроены персонажи сохбетов. Однако критерии морального облика их не подаются читателю на блюдечке с серебряной каемочкой. В конечном итоге поисковый процесс этот сопряжен с наличием прежде всего филологического опыта, языкового чутья и определенного кругозора.

По ходу проникновения в сюжетный лабиринт текста кажется, что автор все расставил по полочкам, указав на брешьность земного бытия: “мир” из первой строки стиха постепенно сужается до “сон манзила”, могилы. Разношерстный читатель-собеседник начинает проникаться этой мыслью, как разгорается нешуточный баталия умных умов. Умиротворяющая симфония бесед автора о жизни вдруг становится какофонией кричащих звуков, вызванных междоусобицей. Он обычно складывается в результате столкновения противоположных целей, интересов, позиций оппонентов или субъектов взаимодействия. Правда, в споре родилась бы истина, но в нашем случае он продуктивен для обеих сторон, так как отрицательно сказалась на их саморазвитии.

Неблаговидная цель ученых-недругов порождает их поступки и проступки, руководит действиями. Если действие, как единица деятельности, предполагает активность по достижению цели, а поступок как социальное поведение направлен на нравственное самоопределение человека и утверждение его личности, то проступок часто антисоциален и отрицательно сказывается на самоутверждении личности. В то время, как цель – это осознанный образ превосходящего результата деятельности индивида.

Персонажи ведомы мутной целью по присвоению каждому из них первенства и права на единоличное проживание в “доме мудрости”. Автор здесь обращается к упрямому местоимению “я” которое никак не уживается со своим собратом “ты”. Отсюда и строки – антиподы известной поговорки: Един создатель на свете, Един господь на свете (с этим все понятно); Двое владык не могут править вместе, Двум саблям не бывать в одних ножах и т.п. Автор отталкивается в суждениях от нерационального поведения персонажей, где-то подыгрывая им. В то же время осуждает, во-первых, силу взаимной ненависти, помутившую разум; во-вторых, неоправданное уравнивание интеллектуальных понятий. Поэтому даже в “доме мудрости”, жителями которого они стали по роду своих занятий, не способны ужиться. Видим также, что личная ненависть друг к другу – одна из причин совершения проступков с нулевым коэффициентом полезности для науки.

Учитывая синкретический характер областей знания в средние века, не возникают сомнения в их компетентности по химии, биологии, психологии, медицине и т.п. Отсюда и нещадность избираемых ими средств по взаимному устранению. Вот дан старт губительному марафону: один варит гремящее зелье: ...сготовил яд такой, что злонимом своим испепеляет мозг, расплавляет валуны, другой приготовил противоядие: Тот час окунулся в нушкиана, а опиум вмиг остановил отравление и всякий вред. Текстовая информация подтверждает наличие у обоих ученых теоретических знаний и практических навыков.

Эпизод заговаривания цветка демонстрирует умение воздействовать на человека магическими выражениями, подобно гипнозу временно отключать функции контроля и самоконтроля. Партнеры участвуют в реальной психодраме, став участниками гипноза и аутогипноза, что иллюстрируется так: Протянул, сказал: Попотчуйся дурманящим напитком сим, Во все не яд, шербет сладчайший. Второй принял смело угощение, внушив себе заранее: Знал – это яд, Взял и, подобно шербету, испил до конца. Картина противопоставления внушения извне волевоу самовнушению налицо. Аутогипноз в сочетании с определенными действиями спасает от смерти. Воля, основанная на самодетерминации и саморегуляции собственной деятельности и различных химических процессов, свойственна “львиному сердцу”. Он, осознавая смертельную опасность, руководствуется мотивами жизнеутверждения, проявляет трезвость в действиях по нейтрализации планов соперника. Несколько комичным выглядит первый персонаж – нюхнувши цветок и испутивши дух. Психический настрой его переполнен завистью, фактор которого сыграл роковую роль. Являясь проявлением мотивации достижения, он способствует возникновению чувства угрозы ценности “я” при чих-либо явных преимуществах. Все это у автора смертельного варева сопровождалось аффективными переживаниями. “Степень концентрированности зависти ведет к злобности в отношениях с людьми, усиливая состояние психоза” [5, с.25]. Одним из проявлений этого является помрачение сознания: Заговоренный цветок сжал в тиски душу его, От ужаса и страха испустил он дух, т.е. отрицательное самовнушение и злобность сыграли злую шутку.

Фактически, смерть наступила от ароматерапии, проведенной в отношении психически подавленного человека. Соперник же его хорошо владел “практиками внушения, когда воздействие на психическую сферу злобствующего соперника консервирует восприятие, понимание и анализ реальности” [3, с.36]. Свообразным приветствием действиям “белого” мага звучат строки: Кто нашел средство от болей своих, теперь радуется жизни, Кто страшился даже цветка, Расстался с жизнью навсегда.

Лексико-синтаксический ресурс анализируемых текстов нацелен на разблокировку конфликтной ситуации.

Лексика	
1. Cahan, 3	мир, свет, Земля
2. Yurd, 3	очаг, дом
3. Hücrə, 1	келья
4. Yol	путь, дорога
5. Dünya, 17	Жизнь, свет
6. Həyat, 4	жизнь
7. Mənzil, 4	Квартира, жилище
8. Məskən, 2	Жилище, дом
9. Ev, 9	Дом
10. Yuva, 4	Гнездо
11. Qəfəs, 2	Клетка
12. Qəsr, 1	Дворец, чертог
13. Aləm, 2	Мир, свет
14. Mülk, 2	Недвижимость
15. Bağ, 2	Сад, дача
16. Gün, 2	День, солнце

Поэтические выражения	
Vidalaş	Простись
Fitnə-fəsad, gözəl	козни, прекрасный
At	скинь, распрошайся
Eşqin, bu, qurtuluşə	Любви, эта, возрождение
Dənsqal, qəfəs	Темный, клетка
Evi, yolu	Дом, путь
Zorif, qərib, gülün oldu, ölən oldu	Нежный, странный, радоваться, умереть
Atmalisan, çatmalisan, son	Поконить, завершить, последнее
Bir, könüldə	Один, в душе
Dünya, hikmət, ədalət, bu	Мира, мудрости, справедливости, этот
Sanma, çixmağa, onu	Не пренебрегай, выход, его
Dar, yar	Тесная, разбей
Bu	Этот
Daimi	Вечный
Hikmət, küllük	Мудрости, пепелище
Yer üzünün, zəmanə	Земли, времени

17. Yer, yer üzü, 2	Место; земля, почва	Qara, ağ	Черный, светлый
18. Umman, 2	океан	Bağlı, bir	Сад, один
		Dolduracaq, Qoynunda	Заполнит, объятие

Цифры показывают частотность употребления, [1, с.115-119].

Последовательность лексики и художественных выражений соответствует фабуле текста. Отобразив ступени человеческой эволюции в осознании жизни, Низами упоминает и микроскопическую оболочку, откуда человек растет, развивается и проходит собственный жизненный путь. Тот достоин чести и уважения, кто за время земного бытия преодолевает физические и нравственные преграды, обеспечивает продление пути уже в ином измерении. Триадой слов мир-свет-жизнь поэт определяет главное мерило жизненной философии человека на Земле, а от каждого из нас зависит содержание тех критериев, что указывают на суть индивида, т.е. человек он или существо. Таким образом, автор своими мыслями о сути бытия, о неминучести оказаться перед “заветной дверью” предостерегает от никчемных козней. По его мнению, они сродни мышиной возне, в результате чего завязываются узлы злобности, подобные развязке спора горе-учных.

Психологическая подоплека все сильнее разгоравшегося пламени соперничества – “в несосвещенности личностного миропонимания с общепринятыми, гармоничными требованиями к сосуществованию человека в обществе независимо от сферы занятий” [3, с.15].

Речевой материал этих двух компонентов поэмы приводит к утверждению, что жизнь человека-слуги интриг, подобна поступкам одержимого. Он воспринимает видимую “плодотворную” деятельность по устранению соперника как некую жизненную активность существующие свои права и возможности в качестве жителя света. Автор вводит в повествование полярно несоизмеримые выражения, типа “океан желаний”, “вселенная дерзаний”, которые в итоге загоняются проступками персонажей в “тесную, кованную клетку”. Это одновременно отражает зигзагоподобность человеческого бытия, когда можем владеть гнездом и дворцом, миром и квартирой, местом и планетой и т.п. Художественные противопоставления, словно молоточки судьбы, признаны вести к нравственному отрезвлению людей, далеко не худших представителей социума. Подтекстово проскальзывает и такое: будьте далеки от ненаучных войн, не тратьте интеллектуальные ресурсы впустую, не интригуйте, а опонируйте с уважением к собеседнику. Отсюда и мораль собеседования: дитя общества, человек, должен быть полезен ему.

В иной плоскости освещается данная суть человеческого призвания в 20-м сохбете “Укор бессовестным”, где Низами демонстрирует это уже по восходящей духовной лестнице: от приземленного до высоты идеализированного. Речь идет о знатоке тайн художественного слова и философской мысли. Образцом нравственной стойкости автор избрал себя как достойного из населяющих не только Гянджу, но и эфемерный дом поэзии. Именно в этом плане контрастнее выглядит содержание сохбетов, когда 12-й сохбет рисует картину ниспадения общечеловеческих идеалов до уровня бытовухи с отрицательным оттенком. Идея показать умение личности противостоять, устоять и стать образцом и путеводной звездой.

Весьма тактично автор в лице своих земляков корит человека в недостаточно позитивном общении друг с другом, так как социальный смысл общения состоит в передаче форм культуры и общественного опыта. Исходя из этого постулата, автор акцентирует внимание на противоречащих кодексу морали из 12 сохбета качествах.

При всем социальном разнообразии обывателя отмечается нивелирование индивида, т.е. утерян личностный смысл: Схожи мы стали с хладнокровным истопником с пылающим лицом. “Эта психологическая картина заключается в индивидуализированном отражении действительного отношения личности к окружающим объектам, ради которых строится ее деятельность” [5, с.51]. Сюда относятся понятия и умения, действия людей и социальные

нормы, роли и ценности и т.п. В свою очередь негармоничные социальные контакты ведут к переоценке важных качеств и состояний. Последние – это степень благополучия человека, читаемая по внешним признакам. Целый ряд строк-тезисов авторского суждения можно отнести к социометрическим тестам, применимым в оценке межличностных эмоциональных контактов. Причем они характеризуют описанного антипода человеческого психотипа.

#### ПОНЯТИЯ

Общепринятые	Искаженные
Əzabkeşlik – мученичество	Зрелище
Dəlilik – сумасбродство	Мудрость
Səxavət – щедрость	Расточительство
Sədaqətli – верный	Бессребреник
Comərdlik – мужественность	Подтрунивание
Söz çeşməsi – поэтический родник	Слякоть, жижга
Vəfa – преданность	Забыли об этом
Забродят, как уксус	Злобность
Hünərini danmaq – замалчивают успехи	Зависть
Nöqsanı izləyirlər – считают ошибки	Необъективность

[1, с.148-151].

Как видим, действия персонажей словно кривое зеркало, неадекватно отражают нормы морали. Во-первых, доминантное психо-эмоциональное состояние человека действия формируют его характер, во-вторых, депрессивное состояние порождается прежде всего социальным укладом.

Почему не господствовать депрессии, коли “подобно цветку, на устах наших улыбка растаяла вдруг, В цветнике души нашей завяли мечты”. Некомфортному для индивида депрессивному состоянию присуща аффективность, имеющая отрицательный эмоциональный фон, измененную мотивационную сферу, познавательных представлений и общую пассивность поведения. При всем этом поэт не хочет признавать даже намека на болотоподобный городской среды, уподоблять людей болотным существам. Активный житель Низами возвышает призывный голос и своим личным примером зовет дремлющее и несколько озлобленное население на светлый жизненный путь: В каждой пучине есть и колос, и перл, Мужество стойкого славно всегда.

Поэт-гражданин, поэт-земляк является примером для подражания в нравственном возрождении падших духом. Контраргументами поэт показывает людям, что ни вздох злопыхателей, ни стремление их вставлять палки в колёса не остудили его желания писать, высекать из слов поэтические шедевры. Демоническим кличем обращается он к согражданам: Где ж богатыри-пехлеваны? Кто же отважный из отважных? Вообще тема “хунера” является ведущей в описании и людей, и зверей, и выведенной морали .... сохбета. Оно в авторском употреблении приобретает масштабное понимание всего светлого и вечного; повторяющееся бесконечное число раз, оно звучит ново и неизбито.

#### Заключение / Conclusion

Само слово, выражения включающие его, поэтические обороты еще более усиливают протестную гражданскую позицию автора. “Он не смиряется с социальным условием, когда трусливые и лживые становятся самозванными героями. Оно составляет идейно-художественный смысл повествования, ибо жить и умереть достойно возможно при стойком

характере” [2, с.3]. Многозначное “хунер” автор употребил почти во всех его значениях: 1) умение, искусство, дарование, мастерство; 2) подвиг, отвага, смелость, храбрость, удалство, героизм. Благодаря такой широкой интерпретации, само слово, совокупность включающих его поэтических выражений всесторонне характеризуют обозначающие им понятия в действиях человека и не только. Отсюда появляется образ даровитого и отважного человека искусства; а также героическая земля и смелые богатыри, родник мастерства и физическая сила, смельчак и бесталанный пустобрех. Иной раз кажется, что из цепочки данного слова, его производных формируется материал занимательного типа, например, скороговорка, каламбур и т.п.: Hünərini göstərsə indi əgər hünərli, Hünərsizin birisi dəyər mənam hünərli. Или Hünərlilər beziblər hünərsizlər əlindən, Lap fərsizlə donublar bu fərsizlər əlindən. – Отвагу выит вдруг отважный, бездарный заявит вдруг – я и есть отважный, или Смельчаки сыты по горло от неумех.

Смыслонесущим является также ряд общепонятных слов и художественных выражений с ними, например: мир, земля, караван жизни, ангел, дьявол, молодость, знания, шкатулка – наследие, и т.п.

Мы констатируем факт: в тот исторический период, в том городе проживали изображенные поэтом такие человеческие психотипы. Истинный летописец Низами не желал идеализации земляков и тем самым представил касающийся этногенеза нации интересный материал.

#### Литература / References

1. Nizami. Sirlər Xəzinəsi. Bakı, 1961.
2. Tağıyeva A.T. Xudojstvenniye detali v poemax Nizami. Mədəniyyət, 2018.
3. Karpenko L.A. Psixologiya. Slovar. M., 1990.
4. Literatura. Spravochnik. M., 1998.
5. Platonov K.K., Qolubev Q.Q. Psixologiya. M., 2009.

#### “Sirlər xəzinəsi” poemasında insan psixotipləri

##### Aləmzar Tağıyeva

Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, AMEA-nın Gəncə bölməsi. Azərbaycan.  
E-mail: alamzar@inbox.ru

**Annotasiya.** Məqalədə orada mövcud olan 20 söhbət əsasında şairin yaşayıb-yaratdığı şəhərin insan psixotipləri araşdırılır. Həmin məqalədə müəllif bir çox psixoloji anlayışların, əsərdə əksini tapmış olaylar və personajların əməli və hərəkətlərlə bağlılığını təhlil edib. Nizamının nəql etdiyi söhbət, hekayət, şikayət, məzəmmət, nəsihət kimi bədii formaların seçilməsi oxucunu fəal düşündürməyə sövq edir. Bədii mətnin rəngarəng lüksik və ifadə vasitələrinin təhlili nəticəsində müəllif belə qənaətə gəlir ki, Nizami psixoloq olmadığı halda, əhatəsində yaşayan pətilələrinin insan psixotipini müəyyən etməyə çalışmışdır. Məqalədə bu işin yekunu olaraq cədvəllər verilir ki, onlar oxucunun diqqətini lazımi ünvanlara yönəldir.

**Açar sözlər:** ikinci dərəcəli personajlar, əməl, hərəkət